

МАРК ВОРОНОВ

ПЕРЕВАЛ

СПЕКТР ОТОРТЕН

Марк Воронов

Перевал. Спектр Отортен

«Автор»

2026

Воронов М.

Перевал. Спектр Отортен / М. Воронов — «Автор», 2026

1992 год. Засекреченный советский бункер «Габбро» в недрах горы Отортен законсервирован после катастрофического сбоя, похоронив внутри научную группу. Спустя 34 года Уральский хребет просыпается снова. На Высоте 1079 возникает термальная аномалия и смертоносное инфразвуковое излучение, способное стереть в пыль всё живое в радиусе сотен километров. Спасатель Денис Логинов, чей отец пропал в «Габбро», вынужден спуститься в ад под перевалом Дятлова в составе спецгруппы. Внутри бункера время течет иначе, а пьезоэлектрический резонатор сводит людей с ума. Чтобы предотвратить тектонический сдвиг и разорвать замкнутый контур, кому-то придется заплатить цену, которую требует древняя гора.

© Воронов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сигнал с Высоты 1079	6
Глава 2. Граница Трёхречья	10
Глава 3. Нулевой горизонт	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Марк Воронов

Перевал. Спектр Отортен

Глава 1. Сигнал с Высоты 1079

Екатеринбург. Областной центр управления в кризисных ситуациях.

14 марта. 05:20.

Стеклянный фасад центрального управления в кризисных ситуациях тускло блестел от мартовской измороси и городской копоти. За окнами в тумане едва угадывались силуэты спящего Екатеринбурга, но на подземном этаже здания работа не останавливалась. В зале оперативного дежурства пахло пережженным кофе и разогретым пластиком рабочей аппаратуры.

Денис Логинов стоял перед главным экраном, сжимая слегка деформированный пластиковый стаканчик. Напиток давно остыл, но Денис продолжал механически крутить его, не спуская глаз с карты. В сорок четыре года он выглядел старше своего возраста: сутуловатые плечи спасателя-высотника, глубокая складка между бровями и цепкий взгляд.

На плазме светилась топографическая карта Северного Урала. Сетка Ивдельского района была перечеркнута красным кольцом, сфокусированным вокруг горного хребта.

— Повтори вводные, — проговорил Денис, не оборачиваясь. Голос звучал глухо от хронического недосыпа.

Старший лейтенант МЧС за операторским пультом поправил гарнитуру и щелкнул тумблером:

— В ноль один пятнадцать автоматический метеорологический пост «Холат-1079» полностью прекратил передачу стандартных цифровых пакетов. Вместо данных о давлении, ветре и температуре станция начала выдавать в эфир плотный непрерывный шум.

— Помехи от обледенения? — Денис чуть накренил голову. — На хребте минус тридцать пять и штормовой ветер. Антенну могло сдернуть или залепить снегом.

— Взгляни на кадры с «Ресурс-П», проходившего по орбите полчаса назад, — дежурный вывел на левый монитор инфракрасный снимок. — Смотри на эпицентр.

Денис подошел ближе. В центре снежного массива, ровно на седловине между безымянной высотой 1079 и вершиной Отортена, темнело идеальной формы круглое пятно радиусом около трехсот метров.

— Аномальный градиент температуры, — тихо произнес старлей. — На внешнем периметре приборы фиксируют минус тридцать семь. Внутри круга — плюс сорок один. Снежный покров в два метра толщиной растаял за несколько часов. Испарился, обнажив голый курумник.

— Плюс сорок один среди таежного мороза? — Денис нахмурился. — Тепловой выброс из подземных пустот? Газовый прорыв?

— Никаких гражданских или промышленных объектов там нет, — раздался за их спинами твердый, поставленный голос.

Из полутемного коридора в зал вошел человек в строгом темно-синем костюме. В жестком развороте плеч безошибочно угадывался кадровый военный. Взгляд — прямой, тяжелый, лишенный эмоций.

— Логинов? — спросил пришедший, на ходу доставая ламинированный пропуск с красной полосой. — Полковник Сомов. Главное управление специального строительства.

— Я никогда не слышал о таком ведомстве, — ответил Денис, оглядывая гостя.

— Это главный показатель качества нашей работы. — Сомов коротко кивнул дежурному: — Оставь нас. Жди снаружи.

Старлей молча собрал планшеты и быстро вышел, плотно притворив массивную звукоизолированную дверь.

Сомов подошел к пульту, достал защищенный флеш-накопитель и вставил в терминал. Введя длинный пароль, он вывел на центральный экран пожелтевшую чертежную схему. В углу стоял штамп «Особая важность» и дата: 12.08.1974 г.

На схеме в толще гранитного массива Отортена был вычерчен многоуровневый комплекс подземных выработок, уходящий шахтными стволами глубоко в скалу.

— Объект «Габбро», — Сомов постучал ногтем по экрану. — Сверхглубокая исследовательская станция. Законсервирована в августе девяносто второго. Стволы запечатаны тяжелыми гермошлюзами с техническими люками, через которые при необходимости можно спуститься внутрь. Внешнее энергоснабжение отключено.

Денис почувствовал под ребрами тяжелый холодок. Всплыли воспоминания, которые он годами пытался погребсти под рабочей рутинной.

— Август девяносто второго? — переспросил он, чувствуя, как пересохло во рту. — Ликвидационная группа?

— Именно. — Сомов посмотрел ему прямо в глаза. — Руководитель полевой группы — доктор геолого-минералогических наук Логинов Николай Сергеевич. Твой отец.

Память беспощадно выдернула из прошлого духоту августа девяносто второго, заплаканную мать и двух людей в серых плащах, привезших деревянную коробочку с остановившимися часами отца и короткую справку: «Пропал без вести при выполнении государственного задания».

— Его группа так и не вышла с объекта, — глухо произнес Денис.

— Не вышла, — подтвердил Сомов. — Связь прервалась после мощного энергетического импульса, аналогичного сегодняшнему. После этого объект принудительно запечатали. А сегодня ночью «Габбро» внезапно подал сигнал сам. Без внешнего питания.

На экране возник график радиочастотного спектра. Среди статических помех высился одинокий, идеально ровный пик.

— Семь и восемьдесят три сотых герца, — прочитал Денис. — Инфразвук. Естественный резонанс Земли.

— Мощность сигнала растет в геометрической прогрессии, — жестко произнес Сомов. — Если через тридцать шесть часов мы не доберемся до нижнего яруса и не сбросим заряд через заземляющий контур бункера, в скальном массиве произойдет тектонический сдвиг. Локальное землетрясение накроет половину области.

— И вы посылаете туда меня? Спасателя?

— Ты геолог по первому образованию с колоссальным опытом работы в сложных пещерах. И главное — у тебя дома лежат рабочие тетради твоего отца, не попавшие в официальный архив. И не спрашивай меня, откуда я это знаю. Просто знаю и всё.

Денис промолчал. Синие тетради с формулами и зарисовками мансийских знаков до сих пор лежали на дне его сейфа.

— Каков состав группы?

— Операция скрытая. Вертолетов не будет — над перевалом аномальная турбулентность, машина свалится в штопор. Идем от Визжая на лыжах. Ты старший группы. С тобой специалист по геоакустике и местный проводник. Силовое прикрытие и связь обеспечит капитан Трофимов.

Сомов нажал клавишу селектора:

— Войдите.

В просторное помещение бесшумно вошли трое.

Первым шагнул коренастый мужчина в полевом камуфляже без шевронов. На плече — армейский баул из кордуры. Походка пружинистая, взгляд беглый, сразу оценивающий выходы.

— Капитан Трофимов, — представил Сомов. — Тактическая безопасность и связь.

Следом шла женщина лет сорока в тёмно-синей штормовке, в руке — защищенный кейс с оборудованием. Светлые волосы туго убраны на затылке.

— Анна Крылова, Институт физики Земли. Задача — мониторинг динамики инфразвукового спектра.

Третий остался стоять у порога. На нем была потемневшая суконная малица, подпоясанная ремнем с костяными бляхами, и пимы из оленьей шкуры. Лицо темно-бронзовое, изрезанное морщинами, глаза раскосые, пронзительные.

— Валерий Анямов, проводник из Ушмы. Знает в этих горах каждый валун.

Манси переступил с ноги на ногу и посмотрел на мерцающие карты.

— Зря едете, — отчетливо произнес он с легким акцентом. — Гора сейчас «поет». Плачет.

— Это акустический резонанс в скальных карстах, Валерий, — со снисхождением откликнулась Анна. — Физика, не более.

Манси перевел на нее взгляд — без раздражения, но с глубокой усталостью человека, привыкшего не ждать понимания от пришлых:

— Воздух в скале сам по себе не ходит. Там, на Высоте, девять шаманов когда-то лежали. Девять человек пришли в прошлый раз — девять ушли в снег. Вас сейчас сколько?

Он поднял руку и начал загибать пальцы по одному:

— Раз — инженер. Два — девушка с ящиком. Три — солдат. Четыре — я. — Валерий сделал паузу и указал в окно на внутренний двор: — А снаружи, в крытом «Урале», еще пятеро сидят. В бронезилетах. Всего — девять человек.

В зале повисла тяжелая тишина.

Денис резко развернулся к Сомову, ощущая, как закипает глухой гнев:

— Какая еще группа в машине? Вы сказали — нас четверо!

Сомов даже не изменился в лице:

— Это группа силового обеспечения капитана Трофимова. Пять бойцов спецназа. Они идут во втором эшелоне, везут тяжелое оборудование и взрывчатку. Я не собираюсь ставить операцию под угрозу из-за нехватки рабочих рук.

— Девять человек на перевале, — медленно качая головой, повторил проводник. — Гора замкнет цепь. Никто не вернется.

— Хватит мистики! — отрезал Сомов. — Валерий, твое дело — довести отряд от Вижы до устья Аусши. Дальше работают военные. Логинов, запомни: если через восемнадцать часов после входа в район вы не выйдете на связь с нижнего горизонта... авиация Центрального округа нанесет по седловине удар термобарическими боеприпасами. Мы завалим хребет вместе с объектом.

— И вместе с нами? — прямо спросила Анна.

— Да. Вместе с вами. Еще вопросы есть?

Вопросов не было.

Трасса Екатеринбург — Ивдель — Вижай.

14 марта. 08:45.

Цельнометаллический кунг армейского «Урала» нещадно швыряло на заснеженных ухабах лесовозной дороги. За покрытыми инеем стеклами тянулась вымороженная уральская тайга.

Денис сидел на жесткой скамье, уперевшись локтями в колени, и в сотый раз перечитывал вырванную страницу из старого отцовского планишета. На полях чернела пометка красной тушью:

«...При давлении свыше 12 000 атмосфер жильный кварц переходит в состояние пьезоэлектрической эмиссии. Человеческое тело — это 70 килограммов электролита. Внешнее высокочастотное поле неизбежно фокусируется на биопотенциалах. Критическая масса

замкнутого контура — ровно 9 человек. При девяти проводниках биотоки замыкают систему на скальный массив. Результат — мгновенный отказ вестибулярного аппарата, дезориентация и неконтролируемая паника...»

Денис поднял глаза. Напротив него, ухватившись за поручень, сидела Анна с портативным осциллографом.

— Что показывают приборы? — спросил он, чтобы сбить напряженное молчание.

— Акустический фон непрерывно растет, — ответила она, не сводя глаз с экрана. — Мы в сотне километров от Ивделя, а датчики уже фиксируют низкочастотную вибрацию. Весь гранитный щит Урала гудит.

— Сама это ощущаешь?

— Под ложечкой, — призналась Анна. — Будто тошнит, но не в желудке, а где-то глубже, в костях. Если частота зафиксируется на семи и восьми десятых герца, мозг потеряет связь с телом. Перестанешь понимать, где верх, а где низ.

Она посмотрела в заиндевевшее окно и тише добавила:

— Мой отец тоже был в той группе. Крылов Виктор Александрович. Главный геофизик. Денис вздохнул:

— Знаю. Видел его фамилию в журналах.

— Маме официально сказали — несчастный случай, завал, — Анна горько ухмыльнулась. — Гроб привезли цинковый, запаянный. Запретили открывать.

— Там не было тел, Анна, — проговорил Денис. — Ни твоего отца, ни моего. Они просто исчезли внутри горы.

В этот момент «Урал» резко затормозил. Шины с визгом закричали по обледенелой колее, многотонный кузов занесло, пассажиры едва не слетели со скамей.

Трофимов среагировал мгновенно: поднялся, снял автомат с предохранителя и тенью выпрыгнул через заднюю дверь на мороз. Денис и Анна поспешили за ним.

Грузовик замер на узкой просеке за брошенным Вижаем. Путь перегораживал рухнувший вековой кедр. Но ствол у основания не был спилен или сломан ветром. Его буквально расщепило на тысячи тонких волокон, словно дерево скрутил и взорвал изнутри гигантский невидимый штопор.

Рядом с завалом молча стоял проводник.

Вокруг расщепленного кедра на снегу лежали сотни мертвых птиц. Глухари, тетерева, мелкие пичуги устилали обочины на десятки метров. Никаких следов крови на перьях. Только из раскрытых клювов сочились и замерзала черная жидкость.

— Акустический удар высокой интенсивности, — Анна опустила на колени перед птицей. — У всех разрыв внутренних тканей и барабанных перепонок. Их убил воздух.

Валерий посмотрел на север, где за пеленой поземки угадывались отроги хребта. Он указал рукой в сторону склона:

— Смотрите туда.

Вдалеке от горы спешно спускалась стая волков. Они бежали прочь, поджав хвосты, совершенно не обращая внимания на стоящих рядом людей. Следом за ними, стелясь по снегу, мелькали белые силуэты уходящих песцов. Животные чувствовали смертельную опасность и в панике покидали насиженные места.

— Земля начала кричать, — тихо проговорил манси. — Гора собирает дань.

Трофимов подошел к завалу и скомандовал бойцам, высыпавшим из второго грузовика:

— Завести бензопилы! Расчистить проезд за пять минут! Живее!

Денис поднял голову. Над далеким перевалом в хмурых мартовских тучах закручивались странные, подсвеченные синеватым светом облака. Они вращались в туемую воронку — против направления приземного ветра.

До начала главного инфразвукового цикла оставалось ровно четырнадцать часов.

Глава 2. Граница Трёхречья

Устье реки Ауспия. База Ильича. 14 марта. 12:30.

Дизели «Уралов» заглохли, издав металлический лязг. Над заснеженной поляной у слияния Лозьвы и Ауспии тут же сомкнулась плотная тишина. Лишь поземка сухо шуришала по обледелым полозьям старого охотничьего зимовья, замечая следы шин.

Термометр на кабине грузовика застыл на отметке минус тридцать четыре.

Денис стоял на краю поляны, затягивая обледевшие ремни на камусных лыжах. Широкие плашки, подбитые оленьей шкурой, оставались единственным надежным способом идти по глубокому мартовскому снегу. Рядом бойцы увязывали сани-волокуши. Работа шла тяжело: на морозе застежки баулов становились хрупкими как стекло, а брезент стоял колом. В волокуши грузили спальники, сухпайки и оцинкованные ящики с научными приборами.

Пятеро бойцов Трофимова работали в стороне. Они действовали слаженно и молча, экономя каждое движение. В их волокушах крепили то, что должно было пробить путь внутрь: гидравлические разжимы, бензогенератор и катушки полевой связи. На всех пятерых были надеты просторные белые маскхалаты поверх кевларовых бронежилетов.

Трофимов достал из подсумка старый стрелочный дозиметр ДП-5В. Вся цифровая аппаратура вырубилась еще на подъезде к Ивделю, словно кто-то щелкнул рубильником.

— Гамма-фон в норме, — глухо сказал Трофимов из-под балаклавы, показывая шкалу Денису. — По нулям.

— Радиации тут и не ждали, — Денис поднял с земли станковый рюкзак, чувствуя, как ляжки впиваются в плечи. — Пьезоэлектрический выброс дает мощную статику и жжжет микросхемы, но сам не фонит. Проблемы начнутся, только если в бункере разрушило РИТЭГи.

— В «Габбро» стояли стронциевые генераторы, — мрачно отозвался капитан, проверяя ход затвора на своем АК-105. Затвор лязгнул резко и сухо. — Если они разгерметизировались, мы узнаем об этом без приборов. По сладкому металлическому привкусу во рту.

— Их прятали глубоко, — покачал головой Денис. — Объект строили закрытым шахтным способом, сотни метров скальной породы над головой. Искали идеальный акустический резонатор. Если генераторы и потекли, то вся дрянь осталась на нижних горизонтах.

Анна Крылова натягивала штормовой капюшон, пытаясь защитить лицо от секущего ветра. В руках она держала механический анемометр.

— Смотри на компас, — Анна протянула Денису прибор.

Денис взглянул на шкалу. Прибор не фиксировал север. Магнитная стрелка не просто дрожала — она плавно и безостановочно крутилась по часовой, делая полный оборот ровно за три-четыре секунды.

— Навигаторы легли у Вижая, — добавила она, пряча компас обратно под куртку. — В последний раз показывали точку где-то под Ханты-Мансийском, а потом просто выдали ошибку позиционирования. Магнитное поле горы скручено в узел.

— Забудь про спутники, — к ним неслышно подошел проводник. На нем были традиционные короткие лыжи-поскряжки, в руках он держал длинный хорей. — Ориентир у нас один — русло Ауспии. Потеряем реку — сгинем. До Холатчахла по льду идти около двадцати километров. Если пойдем без остановок, к сумеркам встанем под самым перевалом.

Денис оглядел отряд. Девять человек включая его самого. Девять темных фигур на слепящем белом снегу. Девять человек, идущих прямо в самый центр аномалии.

В памяти отчетливо всплыла тревожная строка из отцовского дневника: «Критическая масса контура для резонанса — 9 человек...»

— Трофимов, — Денис отвел капитана на пару шагов в сторону, чтобы ветер глушил голоса. — Твои бойцы идут с интервалом. Держите дистанцию минимум тридцать метров между людьми.

Капитан недовольно прищурился, его взгляд стал колючим:

— Ты понимаешь, что просишь? На морозе под тридцать пять отстанешь, собьешь дыхание, сядешь в снег — и вымерзнешь насмерть за десять минут. Мне нужно держать людей в поле зрения.

— Это мое категорическое требование, капитан. Пойдем плотной кучей — гора накроет сразу всех при первом же скачке частоты. Инфразвук бьет по площадям.

Трофимов скрипнул зубами, помолчал, просчитывая риски, затем поправил ремень автомата и повернулся к своим:

— Сергушов, замыкающий! Интервал — тридцать шагов. Смотреть в спину впереди идущего. Если кто споткнулся — сразу сигнал. Пошли!

Русло реки Ауспия.

14 марта. 14:20.

Шли по замерзшему руслу, словно по дну снежного каньона. По обе стороны стеной стоял вековой сосновый бор. Обледеневшие от мороза ветви свисали до самого льда.

Марш давался тяжело. Мороз вытягивал силы, обжигая легкие при каждом вдохе. Сани-волокуши то и дело проваливались в скрытые под снегом наледы, намертво вмерзая. Бойцы вытаскивали груз на чистый наст. Сергушов, один из молодых спецназовцев, шедший в середине колонны, уже дважды падал на колено, тяжело дыша, но каждый раз под суровым взглядом Трофимова стискивал зубы и поднимался, упираясь палками в лед.

Камус ритмично шуршал по насту, но сквозь этот монотонный звук Денис ловил иную, пугающую вибрацию. Она проникала не через уши. Она шла через подошвы тяжелых ботинок, через лыжи, поднимаясь по костям прямо в череп. Огромный скальный массив глубоко под руслом реки гудел — низко, непрерывно, на грани человеческого восприятия.

— Чувствуешь? — хрипло спросила Анна, поравнявшись с ним. Она шла третьей. На ее ресницах и бровях замерз густой белый иней.

— Да. Сжатие породы под руслом. Давление колоссальное.

— Посмотри на хвоинки, — Анна тяжело подняла руку в толстой рукавице, указывая на ветку старой ели, нависающую над их головами.

Хвоя покрылась не пушистым снегом, а тончайшей прозрачной ледяной коркой. При малейшем порыве ветра ветка издавала сухой хрустальный звон.

— Воздух сильно ионизирован, — произнесла Анна, с трудом ворочая замерзшими губами. — Скала под нами сейчас работает как гигантский природный трансформатор. Влага вымерзает прямо из воздуха и кристаллизуется строго вдоль электромагнитных силовых линий. Мы идем по заряженной батарее.

Шедший первым Валерий внезапно резко вскинул хорей вверх.

Отряд мгновенно замер. Рефлексы сработали безотказно: бойцы Трофимова тут же рассредоточились по крутым береговым откосам, рухнув в снег и взяв под прицел темнеющий лес. Тишину нарушал лишь свист ветра.

Денис и Анна осторожно подошли к проводнику.

Валерий стоял у массивного сухого кедра на крутом изгибе реки. На содранной до самого луба коре темнела старая затеса — древняя мансийская тамга. Чуть ниже ножом были глубоко высечены три вертикальные черты и грубо перечеркнутый силуэт человека.

— Ялпиг-Тагт, — Валерий медленно опустил руку с шестом. — Священный лес. Граница.

— Что означают эти знаки? — вполголоса спросил Денис, взглядываясь в зарубки.

— Затесы старых ушминских охотников, — лицо проводника оставалось непроницаемым. — Дальше этого дерева наши люди не ходят, когда гора начинает гудеть. Три черты — знак того, что место гиблое. Там нельзя жечь сухую хвою, нельзя громко кричать и главное — категорически нельзя называть друг друга по именам.

— Почему по именам? — нахмурилась Анна.

— Гора запоминает звук, — проводник посмотрел ей прямо в глаза. — Когда-то давно здесь прошли двое молодых охотников. Один отстал и крикнул брата по имени. Эхо вернулось. А ночью к их костру вышло то, что говорило голосом отставшего брата. Тот, кто звал — сошел с ума к рассвету. Позовешь человека здесь — эхо вернется, а человека уже не будет.

Трофимов, услышав обрывок разговора, подошел ближе, раздраженно взглянув на командирские часы:

— Сказки для туристов будете потом у костра рассказывать. До заката меньше двух часов. Нам нужно кровь из носу встать лагерем у границы леса до того, как ударит ночной буря, иначе мы превратимся в ледяные статуи.

— Спешить не надо, капитан. Смотри вниз, — проводник указал шестом на снег под ногами.

Денис присел и счистил нанос снега со льда Ауспи.

Лед здесь был кристально прозрачным, черным от глубины. Пучки длинных водных водорослей, намертво вмороженные в толщу, застыли с неестественным наклоном. Они были направлены не по течению реки, а в противоположную сторону — от устья к истоку, вверх по склону горы.

— Гидроудар, — пораженно прошептал Денис. — Сейсмическая волна такой силы шла снизу, из-под земли, что на какое-то мгновение силой выдавила воду вспять, заставив реку течь в гору. И в этот же момент ударил мороз.

— И это произошло совсем недавно, — добавила Анна, проверяя портативный термограф. — Позапрошлой ночью. Точно тогда, когда спутники зафиксировали в этом квадрате тепловое пятно. Гора просыпается.

Верхнее течение Ауспи. Граница леса.

14 марта. 17:10.

Сумерки накрыли долину стремительно. Температура резко рухнула до минус тридцати восьми градусов. Свирепый ветер с перевала срывал жесткую снежную крупу с верхушек карликовых берез.

Отряд забился в густое мелколесье на самом краю тайги. Это было последнее укрытие. Дальше начинался голый, продуваемый ветрами склон Высоты 1079, выдутый до черного курумника.

Бойцы Трофимова с трудом ставили большую армейскую палатку-полубочку. Стальные колья в промерзшую землю не шли — гнулись. Растяжки пришлось намертво вязать за стволы уцелевших берез и к груженным саням. Внутри быстро собрали разборную титановую печку-капельницу.

Денис сидел на расстеленном спальнике. Внутри тесной палатки пахло сосновым дымом, соляжкой и раскаленным металлом печи. На его коленях лежал старый дневник отца в коленкоровом переплете.

Анна, сняв рукавицы, замерзшими пальцами настраивала портативный КВ-приемник с внешней направленной антенной, кабель от которой вывели на мачту снаружи.

— Читай за четырнадцатое августа девяносто второго года, — попросил Денис. — Там, где описывается первый контакт группы.

Она наклонилась к желтоватым страницам, глядясь в торопливый почерк отца Дениса:

«...Акустический эффект многократно усиливается к сумеркам. Физика здесь не работает. УКВ-связь наглухо глушится стоячей электромагнитной волной. На КВ-диапазоне идет жуткая реверберация. Огромный скальный массив под нами работает как ретранслятор и дает структурированный, осмысленный радиосигнал. Эфир возвращает наши же переговоры со смещением по времени на несколько часов. Сегодня Смирнов слышал в наушниках собственный голос, умоляющий открыть иллюз, хотя он сидел рядом со мной и молчал. У людей сдают нервы от гула. Болит челюсть, кровь идет носом...»

— Задержка сигнала, — тихо сказала Анна, поежившись не только от холода. — Значит, скала не просто отражает волны, она их накапливает и искажает?

— Не просто искажает. Послушай эфир. Сейчас.

Анна надела тугие армейские наушники, щелкнула тумблером питания и замерла, вслушиваясь в белый шум. Через несколько секунд ее глаза расширились. Она сорвала наушники с головы и протянула их Денису.

В динамиках, пробиваясь сквозь треск статики и завывания ветра, звучал отчетливый, монотонный ритмичный стук. Кто-то упрямо отбивал телеграфным ключом одну и ту же кодовую группу морзянки:

Г-А-Б-Б-Р-О 0-4 1-5 П-О-В-Т-О-Р 0-4 1-5

Денис быстро записал буквы карандашом на полях отцовского дневника.

— Это аварийный радиомаяк с объекта, — сглотнув, сказала Анна. — Подтверждение протокола. Но это невозможно. Там всё обесточено уже много лет. Там некому давать сигнал!

Брезентовый полог палатки резко отодвинулся. Внутрь вместе с клубами белого пара ввалился Трофимов. Его лицо было взволнованным:

— Логинов, бросай бумажки. Наружу, живо. Манси нашел кое-что на склоне.

Склон у границы леса.

14 марта. 17:40.

Снаружи бушевал низовой буран. Поземка неслась по твердому насту сплошным потоком, забивая глаза ледяной крошкой.

Валерий стоял метрах в пятидесяти от палатки, на самом выходе курумника. В его поднятой руке чадил и брызгал искрами сигнальный фальшфейер. Густой красный дым выхватывал из тьмы узкую полосу плотного, как асфальт, наста.

Денис, прикрывая лицо рукой, и Трофимов с автоматом наготове подбежали к нему.

— Смотри, — проводник молча опустил шипящий факел к земле.

На настe, в свете багрового пламени, четко отпечатались свежие человеческие следы.

Это были следы босых ног.

Неровная, прерывистая цепочка глубоких отпечатков уходила от линии леса прямо вверх по продуваемому склону, к вершине Холатчахля. Пальцы ног, вдавленные с силой, пропечатались в жестком снегу до мельчайших подробностей.

— При минус тридцати восьми открытые ступни обмерзают до костей за пару минут, — крикнула подошедшая следом Анна, перекрывая вой ветра. — Человек в таком состоянии не пройдет по курумнику и пятидесяти метров! Он должен был упасть от болевого шока!

— Он не шел, — манси провел факелом чуть дальше, освещая кровавые пятна на кромке льда. — Он бежал. Бежал изо всех сил. Шаг очень широкий, рваный. Человек на ходу рвал на себе одежду и бежал наверх, к вершине. Прямо навстречу ветру.

Денис прошел по цепочке следов. В десяти метрах выше по склону, зацепившись за острый камень, трепался на ветру кусок ткани.

Денис поднял его. Это был оторванный рукав от старой армейской ватной телогрейки — выцветший, серый, стоящий колом на морозе. На расползающейся подкладке едва виднелся чернильный штамп: «В/ч 41467. 1989 г.».

Края плотной ткани были вырваны с такой силой, что толстые нитки разошлись по швам.

— Сорвал на бегу, — Денис поднес край сукна к свету фальшфейера. — Пытался сбить несуществующее пламя. Это направленный высокочастотный инфразвук. При резонансе он начинает давить на нервные окончания с такой силой, что мозгу кажется, будто тело горит заживо. Жидкость в клетках закипает, и человек в панике срывает с себя одежду на сорокаградусном морозе.

— Куль-Отыр дышит, — глухо произнес проводник, не отрывая взгляда от оторванной ткани. — Владыка Нижнего мира открыл свои врата. Это его холодное пламя. Человек сгорает изнутри, сходя с ума, хотя кругом только лед.

Валерий медленно, непослушными от мороза пальцами, расстегнул ворот куртки и вытянул из-под одежды старую, позеленевшую медную бляху на толстом кожаном инурке.

— Только медь может закрыть от дыхания преисподней. Прислужники Куль-Отыра ее боятся, — добавил манси, крепко сжимая оберег в кулаке.

Анна бросила быстрый взгляд на окислившийся металл.

— Медные сплавы... — задумчиво пробормотала она сквозь шум ветра. — Они могут экранировать статику или работать как заземляющий контур при мощном пьезоэлектрическом резонансе. Местные охотники не знали физики, но нашли способ защиты эмпирически.

— След абсолютно свежий, — Трофимов прервал их, опускаясь на колено перед следующим отпечатком. Он снял перчатку и дотронулся до края следа. — Кромка не заветрилась. Оставлен пару часов назад. Не большие. Кто-то или что-то спустилось с горы.

В этот момент в свисте ветра над перевалом снова прорезался тот самый тонкий, вибрирующий металлический гул. Он шел отовсюду и ниоткуда.

Денис медленно поднял голову. Далеко во тьме, прямо над скалами Высоты 1079, медленно и неотвратно разгоралось холодное синеватое свечение. Оно не было похоже на северное сияние. Оно пульсировало в строгом математическом такте, вызывая легкую зубную боль — ровно с частотой семь и восемьдесят три сотых герца. Пульс самой Земли, вырвавшийся наружу.

До запечатанного входа в объект «Габбро» оставалось меньше пяти километров по вертикали.

Глава 3. Нулевой горизонт

Склон Высоты 1079. 14 марта. 18:20.

Штурм склона начался в темноте. Лес остался внизу серым месивом, а над головой распахнулся выдутый ветром курумник.

Рванный штормовой ветер с перевала сбивал с ног. Снега на склоне почти не было — ураган содрал рыхлый покров, обнажив скользкие, обледеневшие плиты серого гранита. Лыжи привязали к саням. Дальше шли на кошках, вбивая стальные зубья в наст и курумы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.